

Независимая газета

Хороший сценарий

Как мы можем стать демократической страной в 2018 году

2010-04-05 / Дмитрий Ефимович Фурман - доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института Европы РАН.

Любой нормальный и ответственный человек, понимающий необходимость перехода нашей страны к демократии, всегда будет сторонником мирного и планомерного перехода «сверху», а не катастрофы и нового погружения в революционный хаос, из которого может выкристаллизироваться демократия, а может – и новый авторитаризм. Я совершенно не уверен, что Россия «исчерпала свой лимит на революции в XX веке», но то, что лучше обойтись без них, – очевидно. Беда в том, что представить себе мирный и планомерный переход «сверху» от имитационно-демократической системы нашего типа к реальной демократии очень трудно. Значительно труднее, чем распад системы и новый революционный хаос.

И главная трудность в том, что переход к реальной демократии по сути своей неотделим от прихода к власти не того, кто уже у власти или кого назначило преемником обладающее властью лицо. Этот переход неотделим от поражения власти. Но психологически невозможно сознательно планировать и готовить собственное поражение. Планировать и готовить можно только успехи и победы. Поэтому примеров насильственного или полунасильственного (всякие бархатные и цветные революции) падения однотипных с нашей систем много десятков, а примеров планомерного перехода от такой системы к демократии я лично не знаю.

Однако в России произошел ряд относительно случайных, но очень важных событий, которые несколько изменили характер режима и траекторию его развития. Теперешняя Россия с ее тандемом – не типичная имитационно-демократическая авторитарная система. Типичные – это назарбаевский Казахстан или лукашенковская Белоруссия. В нашей системе появились новые и очень своеобразные элементы, которые, как мне представляется, открывают некоторые – пока что, правда, достаточно смутные – возможности ее более или менее планомерной демократической трансформации в обозримом будущем.

Первым таким событием был уход Ельцина, произошедший в результате действия совершенно внесистемного фактора – его болезни. Этот уход избавил систему от возможности опасного кризиса в случае его внезапной смерти и укрепил ее. И одновременно он несколько «деперсонализировал» власть и создал важный прецедент. Все же это был первый случай добровольного ухода правителя в соответствии с Конституцией во всех однотипных с нашей постсоветских системах (и первый такой случай во всей русской истории).

Случайно возникший прецедент мог не сыграть практически никакой роли – и мог быть закреплен. Уход Путина, не связанный в отличие от ельцинского

с особыми личными обстоятельствами и являвшийся сознательным и добровольным самоограничением власти, закрепил его. Власть стала отделяться от личности правителя и становиться ограниченной во времени. Правда, уход Путина – «полууход». Окончательного отделения власти от личности еще не произошло. Возникла странная ситуация тандема, которая не может продолжаться до бесконечности и в любом случае закончится в 2012 году; тогда мы пройдем важную историческую развилку. И в зависимости от того, как она будет пройдена, пока что абсолютно теоретические возможности демократической трансформации или закроются, или, наоборот, станут более реальными, откроется возможность «хорошего сценария».

Хороший сценарий начинается с «избрания» (естественно, это будет псевдоизбрание) в 2012 году Медведева, а не Путина. Я против демонизации Путина, который никак не создатель нашей системы, а правитель, подчинявшийся логике этой уже сформировавшейся системы. (Среди тех, кто сейчас подписывает призывы к его отставке, есть люди, сыгравшие в создании этой системы значительно большую и более «творческую» роль, чем он.) У Путина есть большая «заслуга перед отечеством» – его добровольный уход. И либерального Медведева избрал в преемники он. Нельзя же вообразить, что Путин не знал его взглядов и был поражен, когда его старый друг сказал, что свобода лучше, чем несвобода. Да и в ситуации тандема есть не только негативные (скованность власти), но и позитивные аспекты (деперсонализация власти, окончание безусловной зависимости элиты от одного лица, возникновение в ней течений, «протопартий»). С другой стороны, медведевский либерализм сам по себе значит не так много – в конце концов Ельцин был у нас главным демократом, что никак не мешало ему построить унаследованный Путиным авторитарный режим. Дело не в том, что Путин – «авторитарный кагэбэшник», а Медведев – интеллигент и либерал. Дело в другом. Возвращение к власти Путина перечеркнуло бы возникшие прецеденты. Оно означало бы, что власть остается персоналистской, неформальной и неограниченной, а медведевский эпизод был избранием калифа на час или Симеона Бекбулатовича, что иногда практиковалось разными самодержцами – в основном для обмана «злых сил». Наоборот, избрание Медведева означало бы окончательную деперсонализацию власти и ее ограничение во времени. Третий медведевский срок становится уже практически невозможен.

Если в 2012 году будет «избран» Медведев, то он окажется в ситуации, очень отличной от ситуации его предшественников и не так уж далекой от ситуации главы правового государства. Власть его будет колоссальна и прочна (прочнее если не путинской, то, безусловно, ельцинской). И вместе с тем жестко ограничена во времени. Ельцин об уходе стал думать только в связи с болезнью. Путин думал и принял трудное решение. Медведев же будет с самого начала знать, что шесть лет правления ему гарантированы, но в 2018 году он уходит. И эта ограниченность медведевской власти во времени сделает его, как это ни парадоксально, значительно более свободным, чем были его предшественники.

Она освободит его от необходимости бороться за сохранение и укрепление своей власти в течение этого срока – от того, что занимало все силы Ельцина и большую часть сил Путина. У него освобождаются руки для иных дел, прежде всего для проведения столь дорогих ему правовых реформ. И за шесть лет гарантированной власти можно сделать очень много. Можно даже подготовить страну к честным и альтернативным президентским выборам в 2018 году.

Допустить честные выборы в 2018 году, не пытаться ради передачи власти своему человеку использовать свой «административный ресурс» все равно будет для президента очень трудно. Для преодоления «искуса» нужна будет очень сильная мотивация. Но все же это не невозможно, ибо сам Медведев кандидатом уже не будет. Бороться против себя, стремиться сковывать самого себя и ограничивать свои возможности человек не может, но воздержаться от навязывания желательного преемника квазизаконными и просто незаконными способами хотя и трудно, но все-таки можно. Демократические взгляды Медведева будут подталкивать его в этом направлении, создавая необходимую мотивацию. А страха, что приход к власти не «своего» может означать начало его травли и разоблачений разных «темных» эпизодов его правления, у него вполне может и не быть – пока ничего такого за ним не числится, и в той ситуации, в которой он находится, таких эпизодов вполне может и не возникнуть. В этом отношении Медведев также может оказаться свободнее своих предшественников – свободнее от страхов.

Достижение в 2018 году реальных альтернативных выборов было бы самым важным «национальным проектом» и самым решительным шагом на пути пресловутой модернизации. Это труднейшая задача, и обрисованный выше «хороший сценарий» – не более чем теоретическая возможность, шансов на реализацию которой не так уж много. Но все же они есть. В нашей теперешней системе роль общества при принятии важных решений минимальна. В 2012 году всё решат два человека и нас спрашивать не будут. Но даже сейчас какие-то импульсы от общества к власти передаются. А если начнет разворачиваться «хороший сценарий», роль общества будет становиться все больше. Как в эпоху перестройки, перед обществом открываются большие возможности. В перестройку мы их упустили. Остается надеяться, что общество 2012–2018 годов будет более зрелым и умным, чем общество 1985–1991 годов, и не испортит вырисовывающийся сценарий.